

С Ж О В О

въ великій пятокъ, предъ цѣлованіемъ пла-

щаницы

*Ониѣ мой, аще возможно, да ми-
моидеть отъ Мене чаша сия. Оба-
че не якоже Азъ хочу, но яко же
Ты (XXVI, 39).*

Это, братія, горькій вопль къ Отцу небесному, нашего Спасителя во время геосиманскаго моленія Его.

Геосиманское моленіе Христа о чашѣ, по сказанію Евангелистовъ, было наканунѣ крестной смерти Его и почти непосредственно за установленіемъ Имъ таинства евхаристіи и умовеніемъ ногъ ученикамъ своимъ. Моленіе это въ подробностяхи описали три Евангелиста: Матей, Маркъ и Лука; упоминаетъ о немъ и Іоаннъ, а также и Апостоль Павелъ. Какъ въ общемъ, такъ и въ своихъ частностяхъ, моленіе это въ

высочайшей степени трогательно, умилительно, поучительно. Въ немъ сказалась такая скорбь сердца, какой не зналъ и не знаетъ доселѣ ни одинъ человѣкъ на землѣ. Въ немъ сказалась безпредѣльная преданность волѣ небеснаго Отца, та преданность, которая знаетъ за собою только одно право— право умолять и повиноваться, но не знаетъ никакого права требовать, тѣмъ паче прекословить или сопротивляться. Въ немъ выразилось, наконецъ, такое смиреніе, въ мѣру котораго не восходилъ и никогда не взойдетъ ни одинъ человѣкъ. Геесиманское моленіе Христа богословы называются крестною молитвою.

Съ Евангеліемъ въ рукахъ и свѣтомъ апостольскаго ученія, приблизимся, братія, мыслию нашею къ Геесиманіи и, какъ сможемъ и съумѣемъ, переживемъ со Христомъ тѣ страшныя минуты, какія тамъ провелъ Онъ въ моленіи. О, какъ много спасительныхъ уроковъ мы можемъ вынести изъ этихъ минутъ для нашей молитвы, для нашей вѣры и надежды и вообще для всей жизни! Благослови насъ, почившій уже теперь, сладчайшій Иисусе, приблизиться къ мѣсту предпоследняго скорбнѣня Твоего и просвѣти душевную тьму нашу, чтобы уразумѣть намъ силу и сообщеніе страстей Твоихъ (Филип. III, 9, 10).

Геесиманія—это, братія, была небольшая деревушка, или, точнѣе, пригородная слободка Иерусалима; чрезъ нее и слѣдующій тотчасъ же за нею Кедрскій потокъ идетъ дорога на Елеонскую гору. По ту сторону потока, по всему склону полугорья, составляющаго собственно подошву Елеонской горы, во времена Христовы, былъ большой тѣнистый садъ, и доселѣ извѣстный подъ именемъ Геесиманскаго. Евангелистъ Іоаннъ передаетъ (XVIII, 2), что Христось особенно любилъ этотъ садъ и потому *многажды собирався въ немъ съ своими учениками*. Знали ли враги Христовы объ этомъ убожищѣ Его и учениковъ Его—Евангелисты ничего объ этомъ не передаютъ намъ. Довольно, что зналъ это убожище предатель. Вотъ почему Иуда, послѣ тайной вечери и омовенія ногъ, успѣвшій уже продать своего Учителя, прямо и направилъ ночную стражу архіерейскую въ этотъ именно садъ.

тья Несчастный предатель! Думалъ ли Онъ, Кого и гдѣ преда-
 дастъ! Думалъ ли, что лѣтнически любящія Учителя уста
 его касаются егѣхъ устъ, которыя здѣсь же, вмѣстѣ съ дру-
 гими, изрекали и безъсомнѣнія: *«Ему слава до живота вѣч-
 наго, и можетъ быть на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь любуютъ
 они Учителя, оставяли не разъ и трепетать видъ его сердце и
 повторять въ глубинѣ души: о да, Онъ *«маломъ живота вѣч-
 наго носитъ; да, Онъ — Христосъ, Сынъ Бога живаго. Но
 такова сила страсти! Въ минуты крайняго возбужденія свое-
 го, она слѣпитъ глаза, притуляетъ память, и чертитъ сердце
 и совершенно подавляетъ совѣтъ. Увы, страсть любви жания и
 хищничества порубила Луду! Сколько тамъ въ современной
 средѣ найдется грусныхъ торгашей и низкихъ предателей,
 которые безъ трепета въ сердцѣ способны сказать столь же
 низкимъ торгашамъ: *«что ми дадите, и я васъ предаю»*
 его невинность дили ея цѣломудріе! — *«Улыбнись, и кто-то
 — тѣя Христосъ, и какъ видно изъ евангельскихъ сказаній,
 знали, что ожидаютъ Его въ наступающую ночь въ Геосиман-
 скомъ саду. Онъ еще на тайной вечери, сказалъ ученикамъ:
 одинъ изъ васъ предастъ Меня, на пути къ Геосимани
 и прямо объявилъ, что въ ночь *«исповѣстони соблазнятся»*
 Немъ (Марк. XIV, 27): и Петръ же даже три раза съ отрече-
 чется отъ Него, при чемъ съ Божескимъ проврѣніемъ указалъ
 и на время отреченія сего послѣдняго: *«прежде даже алек-
 торъ не возласитъ, три крты отвержешия Меня»*
 (Матѣ. XXVI, 34)». Не смотря, однако, на это, Онъ съ тай-
 ной вечери пошелъ прямо въ Геосиманскій садъ, и тѣ е, въ
 обычное мѣсто своего пребыванія. Почему это такъ? Почему
 не уклонился Онъ отъ опасности, какъ не разъ дѣлалъ это
 прежде? Отвѣтъ простъ. Прежде такъ поступалъ Онъ отъ
 мут собственнаго, что не приходилъ еще часъ Его, и часъ иску-
 пительной смерти. Теперь часъ этотъ насталъ. Событія прямо и
 указывали на этотъ часъ, какъ желтые колосы указываютъ
 на созрѣніе зерна и наступленіе жатвы. Да, злоба и ненав-
 вистъ Иудейскихъ вождей къ Иисусу дошли и теперь доуже
 до крайней, до самой послѣдней точки своего развитія. Въ ихъ
 сердцахъ и совѣтахъ — ну, всё было. Одна лишь дума и одна
 забота — отдѣлаться поскорѣе отъ ненавистнаго имъ Иисуса. На ядъ***

зореисаго, схватитъ Его гдѣ-нибудь безъ народа, такъ какъ народъ любитъ Его, и подыскать какъ-нибудь лжесвидѣтелей и осудить Его на смерть. Такъ и Иисусъ былъ осужденъ еще прежде суда. Съ другой стороны, по настоящій день на Иисуса было сказано и сдѣлано ужасное; что и нужно было сказать Ему и сдѣлать для дѣла пришествія своего внаи землю, для пробужденія и оуясненія народнаго сознания о Лицѣ своемъ и для будущаго блага основанной Имъ церкви на землѣ. Наконецъ, настолько отозрѣлъ въ своей злобѣ и отчаянный предатель-ученикъ. Его, в то, послѣднѣе время, умиленныхъ и просвѣтительныхъ событій, спекулируя годъ, два, какъ въ тайнахъ вечера и думованіе ногъ имѣлъ настолько одерзосити и безстыдства, что, не задумываясь, и прямо же, съ вечера, пошелъ къ воротамъ Его, и пошелъ съ ними въ рвущую сѣдлуку, и оставивъ во главѣ спиры, и повелъ ее ночью въ Геосиманскій садъ. Такимъ образомъ, въ силу естественнаго хода событій и сознательныхъ свободною волею челоуѣка, независимой отъ Божественнаго предвѣднія и упредопредѣленія, участь дискупельной жертвы Христовой наступилъ. Вотъ почему мы и видимъ теперь Иисуса не въ безопасномъ мѣстѣ, а въ обычномъ Геосиманскомъ садѣ, по пребываніи зной въ оти, а именно оуказъ и

— 334 — *Судите уру*, сказалъ. Онъ ученикамъ, 7 когда они пришли въ Геосиманъ, *судите*, пока я пойду и помолюся тамъ, и указывая на садъ, и взявъ съ собою Петра, Иакова и Иоанна, и отправился отуда, *и*

— 335 — Въ геосиманскомъ ожедмоленіи Христа все и въ самой) высшей степени поразительно и поучительно, отъ начала до конца, ой образъ моленія нашего Спасителя, и о сила моленія о нашихъ чувства, и предметъ Его, молитвы и смертельнаго скорбни Его сердца. О гдѣ и убои гдѣт еджедн. гдѣт ордн гдѣт о гдѣдждн

— 336 — Пришедши въ садъ, Христосъ сталъ и видимо, и скорбѣти и скорбь свою повѣдалъ ученикамъ. Поражаемый ею и всею плѣти и болѣе. Онъ почувствовалъ нужду въ совершенному уединеніи для молитвы, и потому сказалъ и симъ своимъ оуби бимъ избранныкамъ: *любдите здн и обдите* (Марк. XIV бр 34), и въ то же время отступилъ отъ нихъ въ глубину сада. Какъ далеко отступилъ до Евангелиста Лука, и предѣляетъ это разстояніе, и вѣрженіемъ камня (Лук. XXII бр 41), и т. е. такимъ

пространствомъ, на какое можно добросить камень. Христосъ трижды повергался тамъ въ молитвѣ предъ Отцемъ своимъ, и какъ самоуничиженно повергался Онъ! *Наклонъ коитно молящся*, повѣтуетъ Лука (XXII, 41); *паде на клииъ свѣтѣ молящся*, передаетъ Матей (XXVI, 29); *паде на землѣ молящся*, сказуетъ Маркъ (XIV, 35); *со снѣзѣ миши воплемъ крипкимъ молился*, пишетъ Апост. Павелъ (Евр. V, 7). Когда виновный становится на колѣна предъ судьбою, въ рукахъ котораго его участь, и когда рабъ падаетъ предъ лицомъ повелителя на землю, повергается въ прахъ, или распростирается на ней, какъ подстрѣленная птица, это мы понимаемъ. Колѣна виновнаго сгибаются невольно подъ вознѣніемъ преступленія и ожидаемой казни. Рабъ, какъ это было прежде, падаетъ на землю, какъ недослойный, взглянуть на своего повелителя, какъ личность безправная, какъ его вещь, или комокъ земли, который тотъ властенъ быть во всякое время раздавить и попирать ногами по своему произволу, и усмотрѣнію. Но мы не понимаемъ, какъ поставилъ Себя въ такія унизительныя отношенія къ небесному Отцу Исусъ Христосъ, т. е., поставилъ Тотъ, Кого Самъ Отецъ небесный называетъ Своимъ возлюбленнымъ Сыномъ, Кому Онъ, чрезъ вѣчное рожденіе, далъ личную, самостоятельную божественную жизнь и власть (Еван. Иоан. V, 26). Кто, какъ и чрезвычайный Посланныкъ Его, въ точности исполнилъ волю Его и совершилъ дѣло Его во всемъ согласно съ волею Его. Мы никогда бы и не поняли страшнаго самоуничиженія Христа и ва въ геосиманскомъ моленіи, если бы этой тайны не разъяснили намъ Апостолъ. Онъ говоритъ о Христѣ: *Иже во образѣ Божіи сый не восхищеніемъ нещѣва быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, азъ подобнъ челоуицѣмъ бывъ* (Филип. II, 6, 7). Еще: *нездвѣшаго грѣха, но насъ грѣхъ сотвори*. Такимъ образомъ, въ геосиманскомъ моленіи Христосъ видимо является предъ Отцемъ небеснымъ, не какъ Сынъ Его, въ блескѣ Божественнаго своего сіянія, и не какъ святыхъ святѣйшій, *иже грѣха не сотвори*, а какъ безправный рабъ предъ повелителемъ, или виновный предъ судьбою, словомъ: является, какъ представи-

Ему Ангелъ Господень, укрѣпляя Его. Да, немного словъ въ разказѣ, но какъ много передаетъ онъ! *Бывъ въ подви- зь....* значить, геосиманская молитва Христова была не сладкою бесѣдою Его сердца со Отцемъ, а трудомъ изнуряющимъ, подвигомъ надрывающимъ, страдательнымъ. *Прилежнѣе мо- лящеся....* значить, молитва Его росла постепенно въ своей силѣ и рога, вѣроятно, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе возрастала Его скорбь. Мы думаемъ впрочемъ, что мо- литва эта не могла быть исключительно однимъ чувствомъ сердца: одно сердце возрастающаго прилива скорби не выдер- жало бы. Нельзя допустить въ геосиманскомъ моленіи Хри- ста и истерическихъ судорогъ и бурь сердца, не унижая тѣмъ личное нравственное величіе Христа: это былъ, безъ сомнѣнія, правильный, но постепенный, для Христа единствен- но возможный подъемъ всѣхъ духовныхъ силъ Его до край- ней точки ихъ развитія, но во всемъ ихъ равновѣсіи, и все- цѣлое устремленіе или обращеніе этихъ силъ къ Богу Отцу въ молитвѣ, такъ что Христосъ, не смотря на смертельную скорбь свою, былъ однако въ полномъ самообладаніи. Для такого взгляда на геосиманскую молитву Христа даетъ намъ основаніе Апостоль Павелъ въ своей запискѣ о ней, въ по- сланіи къ Евреямъ (V, 7). Отличительною чертою геосиман- скаго моленія Апостоль считаетъ благоговѣнство Христовой молитвы, а это свойство необходимо предполагать, при мо- литвенномъ проявленіи, присутствіе всей полноты духовныхъ силъ и чистую мысль о Богѣ, и сердце боголюбивое и волю, покорную Богу. *Христосъ, пишетъ Апостоль, во днѣхъ плоти своея, моленія и молитвы къ Моущему спасти Его отъ смерти съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами при- несъ, и услышанъ былъ отъ благовоющаго.*

Какъ бы то ни было, но напряженіе духовныхъ силъ нашего Спасителя въ геосиманскомъ моленіи Его было столь велико, подъемъ ихъ столь высокъ и внутренніи при этомъ страданія Его столь глубоки, что, подъ конецъ, всего этого не выдержало Его тѣло: оно покрылось кровавымъ потомъ, который каплями падалъ съ Него на землю, и въ знаменіе того, что подвигъ былъ выше человѣческихъ силъ, явился тогда Ангелъ Господень, *укрѣпляя Его.*

Братія! знаетъ ли нашъ духъ подъемъ своихъ силъ на молитвѣ или постепенный восходъ ихъ къ Богу? Горитъ ли онъ у насъ и разгарается ли болѣе и болѣе по мѣрѣ продолженія молитвы? Освящается ли и расширяется ли въ мѣру возрастающаго молитвеннаго углубленія и благоговѣнія? Доводимъ ли мы въ молитвенныхъ трудахъ тѣло наше хотя до обмкновеннаго его пота? Молитва—это, вѣдь, прямо бесѣда наша, одинъ на одинъ и лицомъ къ лицу, съ нашимъ Богомъ, Который впечаталъ въ наше духъ свой образъ, Который видитъ всѣ его движенія и изгибы, скверны и лъвы, въ рукахъ Котораго наша жизнь и участь въ здѣшнемъ и загробномъ мѣрѣ. Какъ же намъ не напрягаться при молитвенномъ собесѣдованіи съ Нимъ нашихъ духовныхъ силъ? Какъ же не стараться поднимать ихъ до болѣе и болѣе жизненности и энергіи ради такихъ страшныхъ, святыхъ и спасительныхъ минутъ? Тѣмъ паче, какъ молиться Богу развѣянно, несобредоточенно, безъ самоуглубленія, безъ всякаго благоговѣнія, не оскорбляя тѣмъ Божія величія? Какъ надѣяться, что молитва наша будетъ услышана, когда молитвенныхъ движеній часто не слышитъ даже самое наше сердце, не замѣчаетъ умъ, не пріемлетъ и воли, а шепчутъ или читаютъ молитву, и то по навѣску, одни только уста? Смотрите же чаще на геосиманскаго Молитвенника и Его моленіемъ провѣряйте вашу молитву. О, еслибы духъ этого Молитвенника хотя бы когда-либо, хотя бы предъ смертію обнѣтилъ насъ! О, еслибы хотя тогда помолились мы Господу Богу всѣми силами нашей души, такъ чтобы потряслись самия кости наши, гнѣющія и тлѣющія въ смрадѣ грѣха! Но увы! плодъ завязывается только послѣ цвѣтенія, растетъ и созреваетъ лишь постепенно.

Предметомъ геосиманскаго моленія Христова, какъ передаютъ Евангелисты, была лежащая Ему чаша. *Чаша Моя! Аще возможно, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія*, т. е. чаша страданій и смерти.

Но отчего, съ приближеніемъ къ этой чашѣ, Христосъ началъ скорбѣти и тужити, ужасатися и тужити, тогда какъ прежде самъ же не разъ предсказывалъ о ней ученикамъ своимъ, а Петра, преклословившаго Ему,

назвалъ даже за то сатаною, немислимымъ, *яже суть Божія*? Колебаний и противорѣчій между словомъ и дѣломъ Христовымъ допустить нельзя, не роняя! Его нравственнаго величія. Отчего же произошла въ Немъ смертельная скорбь еще до страданій и крѣпкая мольба Его о чашѣ, *да мимоидетъ* отъ Него, съ приближеніемъ ея? Догадокъ по этому вопросу стрѣить можно много, но какія изъ нихъ достовѣрны — рѣшить не легко, геесиманское моленіе Христа — величайшая тайна!

Можетъ быть, человѣческое естество Его возмущалъ выдвинувшійся уже и стоящій передъ Нимъ, лицомъ къ лицу, длинный рядъ нравственныхъ униженій и тѣлесныхъ страданій, въ виду которыхъ человѣческая природа невольно трепещетъ и возмущается. Будучи Богомъ, Христосъ былъ, вѣдь, вмѣстѣ и истиннымъ человѣкомъ, кромѣ грѣха только. Можетъ быть, претрѣла чувству Его безгрѣшности предстоящая Ему смерть какого бы рода ни была она, такъ какъ, по безгрѣшности существа своего, Онъ не долженъ былъ вкусить ея. Смерть! для насъ она явленіе страшное, но въ тоже время и естественное, такъ какъ мы и рождаемся съ ея зачатками, какъ зачатые во грѣхахъ. Для Христа смерть — явленіе противоестественное, а потому возмутительное, ужасающее. Можетъ быть, душа Его переполнилась скорбью о страшной отвѣтственности неправедныхъ Его судей и распинателей за незаконное ими осужденіе Его и распятіе. Что всегда была близка Его сердцу судьба ихъ, это для насъ несомнѣнно. Онъ и на крестѣ не забылъ ихъ и тамъ молился о нихъ подобно тому, какъ прежде скорбѣлъ и плакалъ о судьбѣ отвергающаго Его Иерусалима. Все это могло быть, и на это, какъ видите, есть довольно оснований. Но на этомъ остановиться, кажется, все же нельзя: геесиманская скорбь Христова, по словамъ Апостола Павла (Евр. V: 7), была не только скорбью глубокою, но и спасительною. Что же спасительнаго дали бы намъ одно скорбное и моленіе Христа о чашѣ, *да мимоидетъ* отъ Него, когда эта чаша одна только и могла спасти міръ? Пригомъ, какъ видно изъ словъ того же Апостола, геесиманская скорбь Христова была не слѣмъ только страданіемъ Его сердца, выразившимся въ слезахъ и воплѣхъ крѣп-

комъ, но и рядомъ Его молитвъ, моленій и благоговѣнства. *Принесъ*, пишетъ Апостоль, *молитвы и моленія и услышанъ былъ отъ благоговѣнства*. Очевидно, геесиманскія слезы и крѣпкій вопль Христа, Его молитвы и моленія, запечатлѣнныя благоговѣнствомъ, услышаны были Отцемъ небеснымъ не въ смыслъ моленія Его о чашѣ, *да мимоидетъ*, такъ какъ Онъ отъ страданій и смерти избавленъ не былъ, а въ смыслъ совершенно другомъ. Стало быть, въ Геесиманіи, кромѣ чаши, былъ у Христа и другой предметъ скорби и моленія. Какой же? При разрѣшеніи этого, вѣдливо труднаго вопроса, пусть будетъ нашимъ руководителемъ глубокой отечественный богословъ нашъ, блаженной памяти свѣтитель Филаретъ.

„Какую горечь, какую тягость, спрашиваетъ Онъ, заключала тайнственная чаша, о которой Христосъ молился, *да мимоидетъ*, и которую въ тоже время принималъ по предвѣчной волѣ Отца своего, глаголя: *не якоже Азъ хочу, но якоже Ты* (Матѣ. XXVI, 39)? Отвѣтствуетъ: увы, это горечь нашихъ грѣховъ, это—тягость нашей виновности предъ Богомъ и заслуженныхъ нами казней, которыя всѣ принялъ на Себя *Анеиъ Божій, взямаи грѣхи міра* (Еванг. Іоан. 1, 29). Такимъ образомъ Онъ скорбѣлъ, тужилъ, ужасался и прискорбенъ былъ душою даже до смерти не потому, чтобы истощилось Его терпѣніе, но потому, что своими внутренними страданіями очищалъ Онъ наши внутреннія нечистоты, заглаждалъ нашу виновность, удовлетворялъ раздраженному на насъ Правосудію Божію и съ тѣмъ вмѣстѣ молился о нашемъ помилованіи, прошеніи и спасеніи... *и услышанъ былъ отъ благоговѣнства*. Но какъ услышанъ, спрашиваетъ богословъ, какъ бы въ изумленіи, когда не избавленъ отъ смерти? Услышанъ, отвѣтствуетъ, тѣмъ образомъ, что Ему предоставлено своею крестною смертію и воскресеніемъ избавить насъ отъ владычества грѣха и вѣчной смерти“.

Нельзя не принять для руководства такую взгляда нашего великаго богослова, какъ взгляда полнаго, объединяющаго, цѣлесообразнаго. При этомъ взглядѣ, геесиманское скорбѣніе Иису-

са, Его самоуничиженіе, моленіе о чашѣ, и въ то же время ни на мгновеніе не слабѣющая покорность Его волѣ Отца, представляются намъ звеньями или частями одного великаго Его дѣла — приношенія Имъ, если такъ можно выразиться, въ жертвенное всесожженіе собственнаго своего духа, или конечное самоистощаніе Его, самораспятіе, къ очищенію нашихъ внутреннихъ нечистотъ, къ заглаженію нашей вины предъ Отцемъ небеснымъ и умиловленію Его, подобно тому, какъ, вѣдѣвъ, на видимомъ крестѣ Онъ отдалъ на распятіе и свое тѣло. Такой взглядъ, явно опирающійся на существѣ и дѣли всего дѣла Христова, имѣеть основаніе и въ словахъ Апостола Павла. По поводу геосиманскаго моленія, Апостольскій выражается положительно, что Христосъ услышанъ былъ небеснымъ Отцемъ. Этой замѣтки Апостола мы никогда не объяснимъ, если не примемъ взгляда нашего богослова. Вопросъ, какъ услышанъ, когда не былъ избавленъ отъ страданій и смерти, навсегда остался бы при своей силѣ. Слова Апостола вѣдѣвъ болѣе еще важны для насъ, что въ данномъ мѣстѣ Онъ разсматриваетъ Христа, именно какъ первосвященника (Евр. V, 7—10) и несомнѣнно содержитъ въ себѣ истолкованіе сказаній Евангелистовъ о геосиманскомъ моленіи Христа.

Братія! Намъ не доведется испытать тѣхъ скорбей, какія Христосъ испыталъ въ Геосиманіи. Чаша геосиманская собственно и единственно Пестъ Его чаща, такъ какъ Онъ одинъ, еще въ предвѣчномъ совѣтѣ, сказалъ Богу Отцу: *иду сотворити волю Твою, Боже!* Какую? *Зракъ раба пріять, въ подобіи члвччествѣмъ быти, смириться, и послушати быти до смерти, язвену быти за грѣхи наши и мурѣну за беззаконія наши.* (Евр. X, 7. Исая III, 5).

Но въ нашей жизни бываютъ минуты тяжелыя, когда духъ нашъ возмущается до глубины, и печали немалыя, когда сердце имѣеть нужду въ укрѣпленіи. Вотъ, напримѣръ, скудѣеть наша вѣра, слабѣеть надежда, хладѣеть любовь. Вотъ, одно за другимъ, какъ волны за волною, извнѣ набѣгаютъ на кльть нашего сердца разнаго рода искушенія, для немощи нашей неудобопереносимыя. Сердце въ то время хотя и чувствуетъ невою, опасность или тѣсноту, и скорбитъ, скорбитъ

даже иногда глубоко, но, по большей части, безплодно. Событь, какъ чувство духовной жизни или мъритель нашего духовнаго благосостоянія, даетъ намъ замѣтить наше духовное разстройство или близкую опасность духовнаго обнищанія, но ослабѣвшихъ силъ души поднять и укрѣпить не можетъ, и возрастающаго потока искушеній остановить не въ силахъ. Въ этомъ положеніи мы походимъ на подстрѣленную птицу, которая можетъ только трепетать своими крыльями и много—много порываться къ поднятію и полету, но не имѣетъ силъ подняться и летать. Что тутъ дѣлать? Какъ пробудить въ себѣ духовную жизнь? Какъ укрѣпить ее? Чѣмъ остановить приливъ искушеній и соединенныхъ съ ними страданій? Противъ всего этого представляется намъ самымъ лучшимъ и благонадежнымъ одно средство: это—собрать, сколько возможно, остатокъ изнемогающихъ духовныхъ нашихъ силъ, сбжать мысленно на мѣсто геесиманскаго подвига Христова, и тамъ, *вѣдь Ангелъ Божій, взямаый грѣхы міра*, Начальникъ нашей вѣры, и Совершитель нашего спасенія, истощилъ и распялъ свою душу за спасеніе нашихъ душъ, раскрытъ предъ Нимъ въ смиренной молитвѣ свое безсиліе, свое духовное обнищаніе, колебанія, искушенія, надвнія и близость къ намъ разверстыхъ челюстей ада. О, братія мои! Вѣруйте, что Тотъ, Кто въ Геесиманіи совершилъ страшный духовный подвигъ за насъ, Кто душою былъ прискорбѣнъ тамъ до смерти, Кто крестною Первосвященническою молитвою преобдѣлалъ тамъ силу всехъ возможныхъ искушеній и былъ услышанъ Отцемъ своимъ, услышать и насъ и введетъ не только въ общеніе страстей своихъ, но и въ общеніе духовныхъ силъ, *яже къ животу и блжсности*, какія дарованы намъ страстями Его (Филип. III, 9, 10). Нашиши же, нашиши писаломъ желѣзнымъ всякій духовный страстотердецъ, во глубинѣ твоего сердца, что твоя врачевница и мѣсто покоя—это Геесиманія, что твой Цѣлитель и Утѣшитель—это Божественный Геесиманскій Молитвенникъ и Страстотерпецъ—Иисусъ Христосъ. Въ Геесиманіи вѣтъ мѣста для дѣвола; раскаленные стрѣлы его туда же долетаютъ. Тамъ ты увидишь, въ вѣсто пекустеля, только *Ангелъ Господи укрѣпляюща* (Лука XXII, 44). Тамъ ты увидишь, о чемъ ты соб-

лазновъ и искушеній, одни совершеннѣйшіе образцы для твоего смиренія, для твоего терпѣнія, молитвы и преданности волю Божіей. Тамъ ты увидишь, наконецъ, услышишь и осязаешь, что Сынъ Божій, Сынъ благоволенія и любви Отчей, приемля по волю Его смертельную чашу за спасеніе человѣческаго рода, любить этотъ родъ и доселѣ безъ конца, такъ какъ Онъ *вчера и днесъ, Той же и во вѣки* (Евр. XIII, 8), и что потому основаніе твоего спасенія твердо, а надежда на Его помощь несомнѣнна и не посрамить. А это все, взятое и отдѣльно, помимо благодагной помощи, ожидаемой отъ вѣры въ искупительныя страсти Христовы, есть уже величайшая духовная сила, — сила поднимающая и возбуждающая, ободряющая и укрѣпляющая, назидающая и освящающая.

— Братія! чаша, о которой молился Христосъ, *да мимоидетъ* отъ Него, которую, однако, въ безпредѣльной покорности небесному Отцу, принялъ Онъ, Имъ испита уже до дна. Посмотрите теперь, что сдѣлала чаша сія. Вотъ Онъ, собственно отъ нея, лежитъ мертвъ и бездыханенъ. Посмотрите на Него и Его язвы, но не съ человѣческимъ болѣніемъ о Немъ и о нихъ, хотя болѣніе это и естественно. Нѣтъ, смотрите лучше на Него и Его язвы съ искреннею вѣрою въ Него, какъ нашего Спасителя и въ Его язвы, какъ искупительныя. Не пытайтесь постигнуть вполне тайну Христова самоуничженія: она въ существѣ своемъ непостижима для насъ. Постараемся лучше, какъ послѣдователи и ученики Его, прикоснуться къ Нему вѣрою и надеждою, любовію и благодарностію, *яко крестъ и смерть претерпѣ за родъ нашъ. Да молчитъ* теперь *всяка плоть чловѣчя*, и да предста- нуть сюда одна вѣра и надежда, любовь и благодарность во

всей ихъ простотѣ и искренности. Придите же, и благодарно поклонимся Ему, нашему Искупителю. Придите и прославимъ Его страданія и смерть, которыми Онъ содѣлалъ наше спасеніе, доровавъ право *чадами Божиими быти* всемъ вѣрующимъ во имя Его и причащающимся страстямъ Его. Аминь.

Протоіерей **Василій Розаліевъ**.

Содержаніе

Содержаніе. Отдѣлы. Официальныя I. Распоряженія Высшаго Правительства. II. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. III. Извѣстія. IV. Отчеты по содержанію епарх. женскаго училища и по касасѣ общества взаимнаго вспомоществованія духовенства Кавказской епархіи. V. Объявленіе о приемныхъ испытаніяхъ въ семинаріи. **Отдѣлы. Неофициальныя** Слово въ великій пятокъ, протоіеря Вас. Розаліева.

...

Редакторъ Г. Михайловскій.

...

Дозволено цензурою. 28-го апрѣля 1879 года въ Ставрополѣ. Печатано въ Типографіи Губернскаго Правленія.